

А.К. Тарабакина

Новосибирский государственный технический университет

**Мотив уединенного места в прозе Джона Фаулза:
аутопоэтический и мифопоэтический аспекты**

Аннотация: Статья посвящена анализу мотива уединенного места в прозе британского романиста Джона Фаулза (1926–2005) с точки зрения теории аутопоэзиса. Особое внимание уделяется языковым техникам имплементации исследуемого мотива, которые обеспечивают связность на уровне формы и сохранение цельности на уровне содержания мотива в диахронии, а также делают возможным языковое воплощение образа уединенного места – матричного образа «внутреннего языка» писателя.

The article focuses on the motif of secluded place in the prose of British novelist John Fowles (1926–2005) and its autopoetic interpretation. Special emphasis is given to language techniques of motif implementation, which ensure formal cohesion and content integrity of the motif in diachronic perspective, and allow for textual implementation of the matrix image of John Fowles' «inner language».

Ключевые слова: Джон Фаулз, мотив, аутопоэзис, матричный образ, языковая техника.

John Fowles, motif, autopoiesis, matrix image, language technique.

УДК: 801.82-01.

Контактная информация: Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. НГТУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3460257. E-mail: ak.tarabakina@mail.ru.

В течение последних десятилетий категория мотива стала одной из самых востребованных в литературоведении, о чем свидетельствует большое количество исследовательских работ общетеоретического и практического плана, выполненных на материале произведений конкретных писателей (см. например сборники Института филологии СО РАН, посвященные мотивике русской литературы, а также: [Краснов, 2001; Силантьев, 1999; Силантьев, 2004; Крючков, 2006]). Такая популярность в качестве фокусной единицы анализа естественно способствовала увеличению числа определений и теорий мотива, создавая дополнительные трудности в области выработки системного определения данной категории. Однако, на наш взгляд, эта проблема нашла приемлемое разрешение в работе И.В. Силантьева «Мотив как единица художественного повествования»: мотив – «это эстетически значимая повествовательная единица, соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками, интертекстуальная в своем функционировании, инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях» [Силантьев, 2004. с. 163].

В целом принимая данное определение как базовое, мы считаем возможным дополнить его в рамках таких новых направлений исследования, как «глубинная семиотика» (термин В.В. Фещенко) и теория аутопоэзиса, изучающих «внутренний язык» творческой личности и художественный текст как сложные *аутопоэтические организации*, т.е. организации, способные к развитию и самовоспроиз-

водству за счет своих внутренних ресурсов («аутопоззис», или «само-производство», от греч. *αὐτό* – «само» и *ποίησις* – «созидание, деятельность») [Фещенко, 2006]. На наш взгляд, интерпретация мотива как аутопозитической «живой системы» и части «внутреннего языка» писателя позволяет снять противоречие между существующими «научными» и «художественными» определениями мотива и объяснить его способность к развитию и самодостраиванию на протяжении всей истории литературы и в творческой биографии отдельного автора. При этом имплементация мотива и неразрывно связанных с ним художественного смысла и художественного образа осуществляется в тексте за счет определенных аутопозитических языковых техник, которые будут рассмотрены нами в ходе анализа мотива уединенного места в прозе Джона Фаулза.

Творчество британского писателя Джона Фаулза (1926–2005) давно находится в центре внимания зарубежных, а в последние десятилетия и отечественных филологов. При всем многообразии существующих прочтений, на наш взгляд, за эклектикой прозы Фаулза скрыто некое единое, пронизывающее все произведения писателя.

Действительно, даже при первом знакомстве с текстами Фаулза читателя не покидает ощущение участия в «вечном возвращении», развертывания одной смысловой точки, образующей в каждом тексте новую фигуру-вариацию. С нашей точки зрения, одним из возможных способов выявления данной «макросмысловой» цельности творчества Фаулза может стать анализ мотива уединенного места, выделяемого нами во всех текстах британского автора, включая романы «Коллекционер» (1963), «Волхв» (1966; вторая редакция 1977), «Женщина французского лейтенанта» (1969), «Дэниэл Мартин» (1977), «Мантисса» (1982), «Мэггот» (в русском переводе «Червь») (1985); новеллистический сборник «Башня из черного дерева» (1974); сборник философских фрагментов «Аристос» (1964); эссеистику (автобиографическое эссе «Дерево» (1979) и сборник «Кротовые норы» (1998) и дневники писателя, изданные в двух томах (2003; 2007). В романах мотив представлен следующими основными вариантами-алломотивами: остров (остров Фраксос в «Волхве», остров Китченера в «Дэниэле Мартине»); уединенная ферма / поместье / вилла, обычно окруженная лесом (вилла Бурани и ферма Сейдварре в «Волхве», поместье Котминэ в «Башне из черного дерева»; ферма Торнкум в «Дэниэле Мартине»); сад (сад в Торнкуме в «Дэниэле Мартине»); поляна в лесу / на холме / в скалах или вершина горы (Андерклифф в «Женщине французского лейтенанта», горная поляна в Тсанкави и поляна недалеко от Торнкума в «Дэниэле Мартине», Парнас и Монеувасия в «Волхве»; лесная поляна в «Мэгготе»); уединенная долина (пустынная долина в Сирии в «Дэниэле Мартине»); подвал («Коллекционер»). Все перечисленные варианты являются конкретными реализациями интересующего нас мотива, который постоянно самовоспроизводится в текстах писателя и связан как с «вечными», так и с личностными смыслами.

Особо подчеркнем, что в мотиве уединенного места мы видим ключевой, матричный образ «внутреннего языка» Фаулза-писателя, имеющий не только эстетическую, но и бытийную ценность, связанный с его глубоко личным переживанием темы жизни и смерти и преодоления последней через бессмертие в творчестве, поиска пути к духовному преображению современного человека, внутренней свободе и гармонии с природой и важных для любого художника вопросов о сущности его деятельности, соотношении Мира Реальности и Мира Воображения. Именно этот образ, воплощенный в мотиве и имеющий аутопозитическую природу, создает содержательную *цельность* фаулзовского текста. Только уяснив суть этой цельности на уровне содержания, мы можем перейти к анализу конкретных языковых техник, обеспечивающих текстовую *связность (когезию)* на уровне формы.

В рамках мотива уединенного места у Фаулза мы практически всегда имеем дело с самодовлеющим природным одухотворенным пространством. Сразу отме-

тим, что, не противореча принятому в начале определению, интересующий нас мотив тесно связан с действием и имеет важное значение для развития сюжета: в уединенном месте всегда происходит *встреча* с мудрым наставником и / или возлюбленной, открывающая герою возможность изменить свою судьбу и экзистенциальный статус, что сближает данный мотив с древним комплексом представлений об обрядах перехода (инициаций), всегда осуществлявшихся тайно в условиях изолированного природного пространства [Элиаде, 1999, с. 33, 45]. Однако пространственно-временные характеристики в структуре этого архетипического мотива имеют особое эстетическое значение, что подтверждается его постоянным «возрождением» в литературно-художественных произведениях в диахронии. Это позволяет нам в духе Бахтина определить анализируемый мотив как «хронотопический» или, если быть более точными, как «топохронический», так как, с нашей точки зрения, в рамках мотива уединенного места у Фаулза пространству принадлежит ведущая роль.

Именно о таких авторах, на глубинном уровне связанных с определенным образом пространства, очень точно писал В.Н. Топоров: «...творец текста, поэт, ...он ... “голос” *места сего*, его мысль, сознание и самосознание, наконец, просто ярчайший образ персонификации пространства в одном плане и творец-демиург “нового” (по идее “всегда нового”) пространства художественной литературы в другом плане» [Топоров, 1995, с. 5]. В данном случае речь идет прежде всего о творцах тех художественных текстов, в которых генерируется мифопоэтическое пространство, противостоящее абстрактному неодухотворенному пространству современной науки. К числу таких писателей, безусловно, принадлежит и Джон Фаулз.

Мифопоэтическое пространство представляет собой качественно-неоднородную среду, в которой выделяются зоны, связанные с определенными смыслами, – профаническая периферия, содержащая элементы хаоса, и центр, обладающий высшей сакральной ценностью и являющий собой абсолютную реальность. Центр обычно становится целью *пути*, образ которого обеспечивает цельность пространства и семантическую связность его отдельных частей, а герой, способный преодолеть трудности пути через усилия и неизбежные жертвы, получает доступ к высшим ценностям и возможность преображения [Топоров, 2005. с. 75–77].

Данная традиционная структура несомненно является ключевой для всех романов Джона Фаулза. В зарубежном «фаулзоведении» вслед за Дж. Кэмпбеллом ее определяют как «мотив / модель поиска» («quest motif / pattern»), в рамках которой молодой герой получает шанс стать более зрелым, достичь единства с космосом как в архетипическом, так и в психологическом и экзистенциальном планах. В итоге, «мотив поиска» всегда обнаруживает тесную связь с исследуемым мотивом, так как герой, преодолевающий трудный путь, неизменно оказывается в уединенном месте, что делает возможным постижение сокровенных истин и, безусловно, свидетельствует о наличии у уединенного места функций сакрального центра.

Сакральная «центральность» уединенного места может быть подтверждена путем анализа аутопоэтических языковых техник имплементации данного мотива. В ходе настоящего исследования, ограниченного рамками статьи, мы остановимся лишь на некоторых из них, а именно:

- а) выбор специфических топонимов для номинации уединенного места;
- б) аллитерации;
- в) анаграммы;
- г) криптотипы.

Особенности выбора топонимов – имен уединенного места – подтверждают гипотезу об аутопоэтической природе исследуемого мотива. Так сакральная «центральность» уединенного места в романе «Волхв» кодируется в имени греческого

острова, где происходит «игра в Бога», – Фраксос (Phraxos). По версии самого Фаулза, которую он излагает в кратком предисловии к греческим стихотворениям из своего первого поэтического сборника, название Phraxos этимологизируется как «огороженный (забором)» остров (очевидно от греч. φράζω ‘закрывать’). Уже этот вариант этимологии вызывает ассоциации с индоевропейской моделью мира как огороженного пространства (и.е. *gher-dh-* ‘огороженное пространство’) и ее англосаксонской версией (ср. др.-англ. *geard* букв. ‘ограда’, использовавшееся впоследствии для обозначения мира в целом) и усиливает уединенную замкнутость островного мира, подчеркивая важность *границы*, отделяющей профанную периферию от сакрального центра и *создающей* пространство, где становится возможным посвящение в тайны бытия. «Центральный» характер этого огороженного пространства выявляется и через значение греч. φράζος ‘англ. ash; рус. ясень; зола, пепел’, соотносящего имя острова с священным деревом скандинавской мифологии – ясенем Иггдрасиль, центром и моделью мира как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях, и одновременно деревом познания, на котором происходит инициация бога Одина, обретающего мудрость и руны через самораспятие. Идентификация острова – через имя – с мировым деревом, открывающим посвященному языческое тайное знание (руны), по существу аутопоэтической моделирует мучительную «инициацию» главного героя романа Николаса (добровольную, как и распятие Одина), приближающегося к постижению тайны любви и свободы через рассказанные и разыгранные в форме «масок» притчи. Последние можно рассматривать как некие «руны», символические знаки, сплетаемые магом Кончисом в не написанный, а «проговоренный», разыгранный и прожитый «роман».

Такие аутопоэтические языковые техники, как аллитерации, анаграммы и криптотипы обеспечивают реализацию мотива уединенного места на фонетическом и графическом уровнях текста. Результаты анализа описаний уединенного места в прозе Фаулза в кратком изложении таковы [подробнее см.: Тарабакина, 2009]:

1. Обилие и разнообразие аллитераций делает очевидной связь текстов Фаулза с древней аллитерационной поэзией, создает эффект поэтизации прозы и условия для реализации «внутреннего ритма» текста.

2. Анаграммирование имени писателя в описаниях уединенного места свидетельствует о существовании внутренней закономерности, характерной для структуры многих текстов индоевропейской традиции, обеспечивает формально-семантическую связность и превращает мотив в знак, единый как в своем означающем, так и в означаемом плане.

3. Криптофонема / криптогруппа «s/st», иконически объединяющая ключевые слова в описаниях, активно участвует в формировании в синхронном срезе новой аутопоэтической структуры матричного типа, в которой все элементы характеризуются смысловой отнесенностью к пространству, времени, характерным особенностям и сущности процесса обретения тайного знания в ходе инициации. Это делает возможным самовоспроизводство архетипического мотива уединенного места в диахронии, обеспечивает связность на уровне формы (фонетические и лексические повторы), и цельность на уровне содержания мотива, а также способствует сохранению культурной (негенетической) информации.

Итак, в ходе анализа мотива уединенного места в прозе Джона Фаулза его аутопоэтическая природа была выявлена нами через рассмотрение специфических языковых техник, способствующих имплементации матричного образа «внутреннего языка» писателя – изолированного природного пространства, наделенного функциями сакрального центра и дающего возможность духовного преображения и соприкосновения с тайнами бытия и творчества. Именно благодаря этим техникам мотив уединенного места и связанные с ним «макросмыслы» обретают тек-

стовую «плоть» и постоянно самовоспроизводятся в романах Джона Фаулза, общая им поразительную органическую цельность.

Литература

Краснов Г.В. Сюжеты русской классической литературы. Коломна, 2001.

Крючков В.П. Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов: Мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2006.

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск, 1999.

Силантьев И.В. Мотив как единица художественного повествования // Русская литература XIX–XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. С. 150–167.

Тарабакина А.К. Мотив уединенного места в прозе Дж. Фаулза: языковые техники имплементации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. [В печати].

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1. С. 55–119.

Фещенко В.В. Глубинная семиотика: стадии погружения (От «внутреннего человека» – к «человеку Авангарда») // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006. С. 125–149.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.